

Границы империи, границы другого

Александр Ф. Филиппов

Горизонты империи¹

Alexander F. Filippov
The Horizons of Empire

Александр Фридрихович Филиппов (НИУ
Высшая школа экономики, профессор; доктор
социологических наук) afilippov@hse.ru.

Alexander F. Filippov (PhD; Professor, NRU Higher
School of Economics) afilippov@hse.ru.

Ключевые слова: империя, государство,
граница, пространство, фронтир, горизонт

Key words: empire, state, border, space, frontier,
horizon

УДК: 316.012
DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_97

UDC: 316.012
DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_97

В статье рассматривается теоретико-социологический подход к понятию империи. Специфика империи заключается в величине ее пространства, но это пространство не заключено внутри прочных установленных границ, как у территориальных государств, граничащих друг с другом. Даже если империи включены в системы межгосударственных отношений, идеологии властвующих в них групп предполагают безграничность расширения. Это много раз встречалось в истории и может быть описано при помощи феноменологической категории «горизонт». Горизонт ближайшим образом означает, что пределы для зрения и достижимости для действий все-таки есть. Но по сути он представляет собой бесконечное «и так далее» при планировании действий и коммуникаций, и это остается константой, независимо от политических успехов и неудач.

The article examines approaches to the concept “empire” in theoretical sociology. The specificity of any empire is the size of the space it occupies, but this space is not enclosed within firm, established boundaries, as is the territory of the neighboring states. Even if empires are included in systems of interstate relations, the ideologies of their ruling groups entail limitless expansion. This has occurred many times in history and can be described by applying the phenomenological category of the “horizon”. The concept of a “horizon” implies that there are limits to vision and action. At the same time, it represents an infinite “and so on” in planning actions and communication. This infinity remains a constant state, regardless of political successes and failures.

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

В этой статье развивается абстрактный и до известной степени философский подход к понятию границы, связанный первоначально с понятием империи. Я предложил его более тридцати лет назад, примерно за полтора года до формального прекращения Договора об образовании СССР и столь же формального исчезновения Советского Союза. Определение СССР как империи стояло на повестке дня, оно имело актуальный политический смысл: борьба с «империей зла» из внешнеполитической задачи США становилась внутривнутриполитической для советских граждан, видевших в имперском устройстве своей страны препятствие модернизации. Необходимость содействия ускоренному разрушению страны как империи была не единственной, но одной из господствующих тем публичной коммуникации. Предполагалось, что империя все равно обречена на гибель самым ходом истории, но можно ускорить его и получить лучший результат. Этому аргументу о близости и позитивном значении разрушения империи я пытался противопоставить не политическое пристрастие, а социологический подход, поскольку считал социологию основной социальной наукой, способной обеспечить общество средствами адекватного описания самого себя. Однако в этом, как и многом другом, толку от социологии — как отечественной, так и мировой — в ее тогдашнем состоянии было немного. Социологи вообще редко делали империи предметом теоретического анализа и еще реже замечали, что рассуждать об империях на более или менее конвенциональном языке их науки очень сложно². Я же пошел, как уже сказано, путем более абстрактных и отчасти философских рассуждений. Абстрактными их делало стремление сосредоточиться на работе с понятиями больше, чем на работе с историческим материалом; философскими — широкое использование категории «горизонт», заимствованной из ранней версии теории социальных систем Никласа Лумана, который взял это понятие у Гуссерля.

Мне кажется, что именно понимание границ империи как горизонта позволяло дать ответ на некогда политически актуальный, но теоретически не тематизированный вопрос, который после распада СССР напрашивался сам собой: почему, поддержав на всесоюзном референдуме сохранение Советского Союза, граждане его через короткое время в массе своей достаточно лояльно приняли совершившийся без их участия распад страны? Мой ответ, если пе-

2 Среди тогдашних наиболее значительных наследников классической традиции стоило бы и до сих пор называть Шмуэля Айзенштадта (см.: [Eisenstadt 1963]). Однако его анализ «централизованных бюрократических империй» предполагает, в общем, что империи — те же государства, только сравнительно сильные и по-особому управляемые. Это имеет свои преимущества, но очевидным образом смещает центр внимания с общей проблематики империи на сравнительно более узкий сегмент исследуемого материала. Из более поздних авторов, укорененных в социологии, особого упоминания заслуживает Иммануил Уоллерстайн. В его мир-системном анализе есть место и для империй, но сам этот подход оказался изолированным направлением, хотя некоторые переклички известных авторов заслуживают, быть может, большего внимания. Ниже я остановлюсь на подходе Херфрида Мюнклера. Мюнклер продолжает немецкую традицию, и на него повлияли Карл Шмитт и Никлас Луман. Однако он историк и политический теоретик, который некоторую часть своего концептуального аппарата не может не принимать уже, так сказать, готовой и только нуждающейся в доводке.

реформулировать его сейчас более сжато и более точно, заключался в том, что коллективная пространственная самоидентификация территориальной общности, когда речь идет о большом пространстве, серьезно затруднена. Гражданская община, социетальная общность, сердцевина солидарности государства нуждается во внятных границах. Опознавать себя как (пользуясь известной формулой Бенедикта Андерсона) «воображаемое сообщество» на понятной территории — это одно. А вообразить себе (и себя) (как) «новая историческая общность людей — советский народ» можно было только в идеологических конструкциях пропагандистов, даже если они были положены в основу юридических документов и научных проектов. Однако этот ответ не был сформулирован в социологически удовлетворительных терминах, потому что понятие большого пространства и понятие горизонта не были у меня хорошо связаны между собой именно как социологические категории.

Поэтому такое понятие империи в наши дни имеет, пожалуй, еще меньше шансов³ на широкое применение в социальных науках, чем прежде. Однако у него, возможно, сохраняется потенциал в области сугубо теоретической работы, позволяющей продолжить исследования империи в собственной версии социологии пространства⁴.

Главный тезис, с которого я стартовал и которого придерживаюсь до сих пор, состоит в следующем. Исторически существовавшие империи, в особенности империи, так или иначе притязавшие на всемирность (понятие мира, обитаемого и релевантного универсума не могло не быть очень разным), не имели границ в том же смысле, в каком их имеют государства. Фактическим образом это утверждение можно как подтвердить, так и опровергнуть, все зависит от ракурса рассмотрения. Если мы посмотрим на старинные карты, какими пользовались, например, дипломатические ведомства Флоренции или Венеции времен Ренессанса, то сможем увидеть на них огромные по тем временам царства с иногда хорошо обозначенными границами. Однако вряд ли можно трактовать их как границы в том же смысле, в каком их приходилось видеть человеку XX века, переезжающему на поезде из одной европейской страны в другую в краткую эпоху между мировыми войнами. Пределы владений, зачастую существующие лишь в воображении, подвижные и спорные, и демаркационные линии, контрольные полосы, пограничные вышки и паспорта с визами — это явления совершенно разные. Существование границы, даже когда его, казалось бы, невозможно отрицать, всегда предполагает вопросы: граница между чем и чем? Граница для кого? Граница в каком смысле? Поэтому, говоря о том, что границы государств — это именно границы в точном смысле слова, в отличие от границ империи, я бы хотел начать с важных оговорок, которыми во многом исчерпывается само существо дела.

Границы государств устроены так, что *за границей* по большей части оказывается другое государство. Границы очерчивают государство (на картах территорий континентальных государств это выглядит очевидным, но то же самое можно сказать — с усложнением и уточнением аргумента — про государства,

3 Это в особенности заметно как раз в тех случаях, когда профессиональные историки куда более точно и в отчасти близких терминах описывают именно те характеристики империи, в том числе Российской империи и Советского Союза. См., напр.: [Rieber 2014]. Русский перевод этой книги циркулирует в Интернете.

4 См.: [Филиппов 2008; 2014].

к сухопутным территориям которых добавляются морские зоны и заморские земли), позволяють представить его как своего рода контейнер⁵, содержащий территорию и гражданскую общину, то есть население с основными правами, языком, традициями, хозяйственной и денежной системой⁶. В отличие от такого территориального государства, империя не имеет фиксированной границы и, соответственно, гражданской общины. Большая империя — это схваченный и с большим трудом, через решение многочисленных проблем удерживаемый «плюриверсум» политических единств и народов. Границ в точном смысле у него нет, но есть подвижные горизонты.

Ниже я постараюсь дополнительно обосновать необходимость и продуктивность работы с понятием «горизонт» в исследованиях империй, а также — что кажется мне сейчас одним из важных новых шагов в рамках этого подхода — показать, почему в некоторых случаях говорить о горизонте империи (или империи как горизонте) совершенно невозможно и не только не дает никаких преимуществ исследователю, но и существенно затрудняет работу с историческим материалом. Путаница, которая здесь легко может возникнуть, мешает адекватной концептуализации границ. Дело в том, что империи бывают очень разными, так что само по себе имя империи не может быть методологическим указанием. Наоборот, в наши дни оно часто оказывается средством ложной актуализации, для которой современная повестка (ее подлинность еще нуждается в дополнительных обоснованиях и не всегда кажется безупречной) становится определяющей при исследовании прошлого, так что борьба с неокOLONиализмом в настоящем приводит к тому, что в империях прошлого слишком быстро начинают видеть, так сказать, одно и то же: логику априори предосудительного господства. В некотором роде империя и есть господство, и это столь же бесспорно, как и то, что государства Нового времени могут именоваться империями по самым разным основаниям, сильно отличаясь при этом друг от друга. Практика унификаций мешает более дифференцированному рассмотрению.

II

Кажется тривиальным, но все-таки нуждается в специальном акцентировании, что понятие империи является *реальным*. Оно не придумано теоретиками. Это не термин, который, как этикетка, навешивается на объект изучения ради удобства исследователя в соответствии с правилами классификации, нуждающимися в обосновании. Империями действительно именовали себя в разные

5 Понятие государства-контейнера, несколько диковинно звучащее по-русски, я заимствую у Боба Джессопа, но не полностью присоединяюсь к его концепции, созданной под слишком сильным впечатлением от эпохи глобализации, что и выразилось у него в критике «одностороннего» подхода от «традиционных национальных территориальных государств, функционирующих в качестве “контейнеров власти”, контролирующих фиксированные территориальные границы» [Джессоп 2019: 367].

6 Понятие гражданской общины, до известной степени отбрасывающее нас назад к теоретической оптике Т. Маршала, кажется мне более предпочтительным, чем понятие социетальной общности, или «социетального сообщества», как у нас привыкли говорить, некогда введенное Толкоттом Парсонсом. В настоящее время его использует лишь итальянский социолог Дж. Шортино. См.: [Троцук 2024].

эпохи разные политические образования. Конечно, всегда есть сложности, связанные с переводами, потому что сам термин — латинский, но и на латинском он далеко не всегда означал особую политическую сущность. Отчасти эти трудности преодолеваются достаточно легко как раз потому, что известны ведь и другие сложности с самоназваниями, так что, скажем, и республиками себя называли тоже очень разные политические образования, в том числе и такие, которые мы в наши дни с трудом признаем республиками, например королевские Франция и Британия⁷. Это позволяет нам обойтись без догматизма также и в том, что касается прямо нашей темы: нет никакой необходимости считать, что есть только один, подлинный вид империи, тогда как другие либо сами себя напрасно так называли, либо исследователями были так названы ошибочно. Гораздо важнее выяснить, каковы последствия при использовании этого (само)названия, будь то для организации материала, для теоретического рассуждения либо же для самоопределения тех, кто свое политическое поведение строит в явной, выраженной имперской перспективе.

Именно отсюда мы можем сделать шаг к важному, сыгравшему историческую роль различению империи и государства, которое просуществовало довольно долго. Это различие относится к эпохе формирования европейских территориальных государств, отстаивавших свою самостоятельность и суверенитет в борьбе с властью фактически уже ставших более слабыми, но сохранявших исторически сложившийся авторитет *римских* форм порядка: духовного — католической церкви, и светского — Священной Римской империи⁸. Известная с начала XIV века формула, разработанная королевскими юристами Филиппа IV, «король является императором в своем королевстве», имела несколько важных измерений. С одной стороны, она сохраняла концепт империи как высшего и объемлющего политического порядка (образцовый, хотя и политически устаревший ко времени своего появления набор аргументов в пользу того, что империя может и должна быть всемирной монархией, содержится, например, в «Монархии» Данте, появившейся практически одновременно с формулой о «короле-императоре»). С другой стороны, именно территориальный характер государства самым наглядным образом показывал здесь его отличие от империи. У государства, каким оно возникало в континентальной Европе, были границы — хотя бы потому, что до них простиралась власть короля, именно на этой территории учреждался *суверенитет*. Государство могло граничить с княжеством, епископством или другим государством, но при этом все они принадлежали одному территориально-политическому и правовому порядку. Исторически важным обстоятельством является, конечно, то, что на вершине своего военно-политического единства Священная Империя соперничала с Византией, в том числе и за именование себя «римской». Это во всяком случае (а тем более ко времени формирования территориальных государств Европы, то есть упадка и падения Византии) не было территориаль-

7 См. широко известную работу: [Collinson 1987]. См. также позднейшую полемику: [McDiarmid 2007].

8 Превращение Римской империи европейского средневековья в «священную» — далеко не простой и неоднозначный процесс, который происходил в первые века второго тысячелетия н.э. У меня это не более, чем привычное и сокращенное имя для такого образования, которое большую часть времени просуществовало как идеологический конструкт, а не как реальное политическое единство.

ным прилеганием того рода, как это в особенности бывает со взаимным признанием государственных границ, о чем уже шла речь выше⁹. Однако это вовсе не облегчает понимания сути дела, в особенности в более современной перспективе, а только позволяет сфокусироваться на проблеме.

В свое время Карл Шмитт нашел формулу, характеризовавшую пространство империи, на котором сформировались и выстраивали регулируемые европейским правом народов государства. Он назвал его “*die Einheit von Ordnung und Ortung*”, что я предпочитаю переводить как «единство порядка и локализации»¹⁰. С одной стороны, здесь — независимо от того, согласны ли мы с ним по существу, — все понятно: есть государства, которые держатся определенных правил, но это право народов, каким бы ни казалось оно универсальным, применимо только для их отношений, а любые попытки его расширить, включив другие народы и территории, приводит к негативным последствиям. То есть понятна именно логика рассуждений, потому что государства локализуются на определенном пространстве, с его имперской историей, с пониманием значения императора и папы, с определением империи как катехона, то есть удерживающей мир от прихода Антихриста силы. Но, с другой стороны, здесь есть неясность самого радикального свойства. Она касается локализации самой империи. Поясню это еще раз: одно дело — рассматривать политические единицы, становящиеся государства, в имперском пространстве, какой бы рыхлой и слабеющей империя ни была. Другое дело — пространство самой империи. Ведь она, во всяком случае на Западе, по идее, всемирная, включающая, за отдельными, временными исключениями, весь «христианский народ». Фактически она может граничить с разными политическими образованиями, но по идее никаких границ у нее нет. Идеи действительно есть у идеологов, но только они не остаются в книгах и ученых разговорах, они могут быть опознаны как материальная сила, мотив имперской элиты. Трактовать империю такого рода как более или менее обширное государство или подобное государству образование значит промахнуться мимо одной из ключевых составляющих имперской динамики.

Пожалуй, лучше всех в современной политической науке понимает это Херфрид Мюнклер:

Империи — это не просто большие государства; они развиваются по собственным законам. Государства связаны порядком, создаваемым ими совместно с другими странами, и поэтому распоряжаться им в одиночку они не могут. Империи, напро-

9 «С конца XI в., — пишет С. П. Карпов, — Византии было суждено столкнуться с мощным потоком итальянской колонизации. Эволюционируя от торгово-экономических интересов к политическим амбициям и территориальным захватам, Венеция и Генуя стали играть важнейшую роль судьбах империи. Постепенно даже менялось содержание термина Романия. Если первоначально так обозначали на Западе империю Ромеев в целом, то постепенно коннотация изменилась и в понятие Романия заключалась как собственно Византия, которую как государство все чаще стали называть “империей греков” или “Константинопольской империей”, так и завоеванные или отторгнутые от нее латинянами замели и территории» [Карпов 2024: 7]. История для нас в высшей степени поучительная, потому что предполагает изучение — помимо прочего — сложных и переменчивых имперских проектов (сохранявших, правда, некоторую сердцевину), интерференцию больших пространств политического воображения, а не соперничество государств.

10 См.: [Шмитт 2008: 8, 30].

тив, полагают себя создателями и гарантами порядка, зависящего исключительно от них самих. Этот порядок создается ими для защиты от хаоса, в котором они видят постоянную угрозу, и этот порядок они обязаны защищать [Мюнклер 2015: 15].

Мюнклер далее говорит и об имперской миссии, и о том, что бывали такие империи, которые опустошали свои периферии, но существовали они недолго. А вот другие империи свои периферии развивали и служили их благоденствию. Порядок, будто бы создаваемый национальными государствами, — это иллюзия, пишет он. Для анализа он предлагает привлекать и Римскую империю, и США, и Русскую, Османскую и Китайскую империи, а также империю монголов; трудность видит в определении империи, решительно различает империи и государства, в частности по критерию границы:

Имперские границы не разделяют равные по статусу политические образования, а скорее представляют разные ступени власти и влияния. К тому же, в отличие от государственных границ, они полупроницаемы: тот, кто хочет попасть в имперское пространство, должен удовлетворять иным условиям, нежели тот, кто его покидает. Это зависит как от экономической, так и от культурной привлекательности империй; они ориентированы скорее внутрь себя, нежели вовне, что имеет свои последствия для пограничного режима [Там же: С. 25].

При этом границы империй, продолжает Мюнклер, могут быть также и государственными, например, колониальные империи в Европе граничили между собой как государства, а на периферии, в колониальных владениях, граничили между собой именно как империи.

На этом примере можно зафиксировать важную проблему, которая, собственно, и является здесь для меня центральной. Почему политический историк тратит столько сил на обсуждение дефиниций империи и понятия границы? Потому что многочисленные описания, рожденные в наше время, привязаны к самой распространенной терминологии, в частности к дихотомии государства и общества. Раз общество — это не политическое образование (особенно «гражданское общество» в его старом понимании), то политическая история имеет дело с государствами. А поскольку государства, как мы видели, ведут себя то вполне «государственным» образом, пребывая внутри своих границ, то как-то иначе, «по-имперски», то есть стремясь распространить свое действие на сравнительно куда более значительные пространства, так или иначе обустривая их, да и еще и сами себя нередко именуют империями, приходится различать не только империи и государства, но еще империи старые и империи новые.

В общем, оказывается, что «империя» — понятие чуть ли не более актуальное, работающее и повсеместно пригодное, чем «государство», а учитывая ряд интеллектуальных движений последнего времени, можно было бы сказать, что нечего ломиться в открытые ворота: при том объеме исторических исследований, которые оперируют именно понятием империи, пафос теоретического вторжения в эту сферу может и должен казаться неуместным¹¹. Я все же рискну сказать, что здесь не все так просто.

11 Из концептуально весьма насыщенных работ историков на русском см. прежде всего: [Ауст, Вульпиус, Миллер 2010]. Публикации каждого из редакторов заслуживают отдельного упоминания, укажу только на одну новейшую статью: [Миллер 2024]. Особое место занимает круг журнала “Ab Imperio”, уже несколько десятилетий

Прежде всего, фиксация внимания на каком-то периоде внушает обманчивое представление, будто мы имеем дело с какой-то постоянной сущностью, которая претерпевает разные трансформации. Возможно, это имеет смысл, когда пишут, скажем, историю России и обсуждают, в какой момент можно говорить уже о том, что она стала империей. Но нельзя переворачивать это рассуждение и говорить о том, что трансформации происходят с империей, как бы она при этом ни называлась: Германия Бисмарка — Вильгельма, Германия Веймарская и Германия Гитлера именовали себя империей (рейхом), но много ли пользы будет, если считать это разными этапами имперского проекта, не довольствуясь тем, что страна была большой, склонной к экспансии и агрессивной?

Не менее сомнительный вопрос о колониях я вообще выношу за скобки, он в данном случае не продуктивен. Вопрос о центре и периферии кажется более продуктивным, но только в идеально-типическом аспекте. Он имеет смысл тогда, когда более или менее внятно за точку отсчета берется опять-таки государство, но не как машина легитимного насилия в своих территориальных границах, а как размещенная внутри этих границ гражданская община, которую с конца XVIII века будут называть нацией. Считается, что нация-государство преодолевает различия, разглаживает пестрое многообразие предыдущего времени и делает всех одинаково (и внесловно) гражданами одного государства. В отличие от национально-гражданской имперская идентичность фиксируется в центре, тогда как многообразие (культурное, правовое и политическое) населяющих империю народов не теряется, но сохраняется в динамике, представляющей специальный научный интерес. С этим было бы вообще незачем спорить, особенно ввиду все новых исследований по имперской истории. Спорить надо с тем, что относится к государству, потому что национальная однородность гражданской общины часто бывает преувеличена. Например, в той же кайзеровской Германии не было единого гражданства, только земельное; цельность Италии или Испании не кажется столь уж очевидной; даже Франция как классический пример время от времени «деконструируется» в ее этнокультурном единстве специальными исследованиями (см.: [Le Bras, Todd 2012]). Да и можно ли говорить о государствах, что им вовсе чуждо различие центра и периферии?¹²

Пригодный для употребления термин в качестве научного понятия оказывается уязвимым, не потому что не открывает нового, а потому что не повышает, а понижает чувствительность к различиям, тем более что многообразие

выпускающего исследования по новой имперской истории. Из сравнительно ранних, но важных книг см.: [Герасимов и др. 2004]. Большое концептуальное усилие есть и в книге: [Ливен 2006]. Важной работой, к которой, вероятно, предстоит еще вернуться, стала книга: [Каспэ 2001]. Сюда же отчасти относится и книга: [Арнасон 2021], хотя работа с понятием «имперской модернизации», в общем, заставляет говорить об уже несколько архаичном в нашем понимании империи. Началом резкого возрастания интереса к имперскому измерению модерна в актуальной левой мысли можно считать выход в 2000 году известной книги Антонио Негри и Майкла Хардта «Империя». См. русский перевод: [Хардт, Негри: 2004]. Здесь примечателен не столько сам по себе концепт империи, сколько его историко-философское измерение.

- 12 Промежуточное положение различия «центр/периферия», которое часто используется именно для характеристики имперских (или ориентированных на изучение *также* и империй) политических образований, может иллюстрировано многочисленными ссылками на литературу. См., например: [Filippov, Hayoz, Herlth 2020].

видов имперского многообразия скорее ведет нас к феноменологии, к описаниям, которые просто получают добавочный оттенок за счет того, что объявляются характеристиками империи.

Собственно, именно поэтому и становится не просто возможным, но очень желательным вводить понятие «горизонт» не как абстрактное, а как вполне работающее, хотя и нуждающееся всякий раз в уточнениях и конкретизации. Здесь сразу надо сделать одну оговорку. Горизонт — хотя и строгое для некоторых теоретических конструкций понятие, может у нас рассматриваться скорее как метафора, в которой соединяются пространство и время. Это хорошо показывал, хотя и с совершенно другими целями и, в общем, в совершенно другом смысле Райнхарт Козеллек (см.: [Козеллек 2016]). Глава его знаменитой книги «Прошедшее будущее» приобрела у нас большую известность, так что придется сделать здесь уточнение, не провоцируя слишком быстрых суждений и путаницы. Опыт прошлого Козеллек называл «пространственным», потому что события вместе образовали нечто цельное, а «горизонт» ему казался более пригодным, чем могло бы быть «пространство ожиданий», потому что горизонт — «это такая линия, за которой открывается пока еще невидимое пространство нового опыта. Доступность будущего, несмотря на возможные прогнозы, наталкивается на абсолютную границу, так как оно непостижимо» [Ibid.: 156]. Конечно, у нас речь идет не об абсолютной границе, а о подвижной. К горизонту невозможно подобраться, и перешагнуть его тем более невозможно, потому что так устроено понимание предела. Чтобы опознать границу или хотя бы мысленно представить ее себе, надо, чтобы она разделяла две части или стороны. Поэтому у двух и более граничащих государств бывают границы, даже если они оспариваются, смещаются, признаются не всеми странами и т.п. А вот у политического горизонта «второй стороны» нет. Откуда же он берется?

В политической антропологии нередко используют понятие фронта. Это не всегда хорошо получается, потому что не для всех языков различие фронта и границы является работающим. Но все-таки достаточно хорошо известно, что фронтиром может быть названа граница освоенного пространства, которая тоже подвижна, потому что перемещается по мере освоения того, что доступно, по мере передвижения тех, кто осваивает эти неосвоенные земли, все дальше и дальше. Изучение фронта стало достаточно распространенным и в имперской истории¹³. Фронтиром могут называться и более сложно устроенные пространства, как мы видим, скажем, на примере исследования «границы» между Венецией и Османской империей (см.: [Pedani 2017: 27, 38]).

Но в отличие от границ и фронтиров, горизонт, будучи, собственно, пространственной метафорой, означает у нас, как и у Козеллека, некий предел предвосхищения во времени. Только касается это предвосхищение не любых будущих событий, а только тех — тут мы снова возвращаемся к изначальному смыслу метафоры, — которые так или иначе привязаны к пространственному аспекту *будущего* опыта. Конечно, пространство и время не могут не быть взаимосвязаны. Однако представим себе ситуацию, которая не раз была описана в литературе: поселенец-пионер осваивает и присваивает (находит свободную или освобождает от аборигенов) территорию вне всякого ожидания

13 Своего рода классикой стало исследование степного фронта имперской России. См.: [Khodarkovsky 2004]. См. также в русском переводе: [Ходарковский 2019].

будущих событий, довольствуясь тем, ради чего он вообще ее занял (пример: жить так, чтобы не видеть соседей из своих окон, и уходить дальше, если они появляются). Ничего не поменяется в этих описаниях, если назвать фронтитр границей, а в ретроспективе изобразить совокупность таких освоений как имперское продвижение. Но пространственно-временной горизонт в более точном смысле слова устроен иначе. Здесь требуется маленькое философско-социологическое отступление. Начнем с феноменологии. У Эдмунда Гуссерля горизонт — это, говоря предельно упрощенно, некое «и так далее»¹⁴. Актуальный опыт отсылает к горизонтам возможного опыта. Переосмысление и трансформация поздней, начиная с «Картезианских медитаций», трансцендентальной феноменологии в средство эмпирического, социологического описания смысла человеческих действий — далеко не простая и, возможно, уязвимая, с философской точки зрения, процедура. Однако она была уже проделана несколько раз, в том числе в проекте понимающей социологии Альфреда Шюца, в этнометодологии Гарольда Гарфинкеля и в одной из более ранних версий теории социальных систем Никласа Лумана. Это позволяет пользоваться, по крайней мере, некоторыми результатами такого переосмысления как *готовыми к употреблению*, что не исключает, в других контекстах, их критического пересмотра. Продуктивным в социологическом плане является как раз то, что смысл человеческого поведения, целеполагания, социального действия и социального события не берется как всецело ясный и отчетливый. На действующего в социальной жизни человека не переносится конструкция нововременного познающего субъекта. Смысл действия не фиксируется в атомарном суждении, не является элементом системы знания, но отсылает к смыслу других событий и действий. Что значит «отсылает»? Это значит, что они, еще не состоявшиеся, но в принципе возможные, не *полагаются*, но дополнительно полагаются, *со-полагаются* в актуальном смысле события.

Это имеет принципиальное значение. Если считать социологию наукой о социальных действиях, как Макс Вебер, или событиях действий, происходящих в социальных системах, как Толкотт Парсонс и Никлас Луман, то устанавливать смысл приходится всегда с некоторой «отсылкой к...». В опыте созерцания это может значить, например, что мы видим только одну стену дома, но она лишь потому для нас стена, что отсылает к той стороне, которую мы не видим, но могли бы увидеть. Это значит, что когда происходит то или иное событие, смысл его раскрывается через отношение к другому событию того же рода. А если, как предполагал Никлас Луман в период наибольшего увлечения фено-

14 См., например, у Гуссерля: «Любой опыт имеет свой горизонт; любой опыт имеет свое ядро действительных и определенных содержаний, свою долю непосредственно самоданных характеристик, но, помимо этого ядра определенного так-бытия, помимо данного собственно как “оно само”, опыт имеет свой горизонт. Это значит: любой опыт указывает не только на возможность (а с точки зрения Я — на способность [Ver-möglichkeit]) последовательно эксплицировать вещь, данную с первого взгляда, в соответствии с ее самоданностью, но и на возможность в ходе опыта раскрывать все новые характеристики одного и того же предмета... никакая характеристика предмета не является последней... действительно данное в опыте снова и снова — вплоть до бесконечности — влечет за собой горизонт возможного опыта относительно одного и того же предмета. И этот горизонт, в своей неопределенности, заранее имеет сопутствующую значимость (Mitgeltung) как некое пространство возможностей (Spielraum von Möglichkeiten)...» [Гуссерль 2017: 193].

менологией, взять в качестве основной схемы рассуждения «система-в-мире», тогда для системы мир будет необозримым множеством возможностей, редуцируя которое, она может воспользоваться таким средством, как *смысл*. Конституирующие смысл системы (психические и социальные) ограничивают множество возможностей таким образом, чтобы отрицание не оказывалось уничтожением, чтобы подвергнутые отрицанию возможности сохранялись именно как возможности. «Следовательно, основу смысла составляют непременно две ориентации, одновременное присутствие двух уровней, из которых один — это горизонт возможностей, а другой — отобранное для реализации» (см.: [Luhmann 1981: 70]). Поэтому действия и коммуникации, поскольку они имеют смысл, отсылают к множеству иных возможностей, но уже не совершенно неопределенному и неопределимому, а такому, у которого есть смысловые горизонты. Конечно, и этого недостаточно, и для индивидуального действия, отдельной коммуникации ссылки на «и так далее» уводят в бесконечность. Тем не менее (и при заведомо очень сильном упрощении аргументов Лумана) кое-что начинает таким образом проясняться.

По Луману, если взять простые примеры повседневной жизни, выглядеть это будет примерно так:

В современном мире изучать надо не отдельные действия или коммуникации, а системы, которые состоят из этих действий и коммуникаций как своих элементов определенного рода. Коммуникация — это событие в системе, которое поддается наблюдению как действие. Системы — это самореферентные, аутопойетические системы. Это значит, что все события в системе отсылают к событиям в той же системе, она сама себя производит. События бывают разные. Платежи (события в экономике) отсылают к прежним или будущим платежам, новости (события в системе новостных медиа) — к прежним или ожиданию будущих новостей, высказывания о результатах экспериментов — к другим таким же коммуникациям. Но отдельные социальные системы включены в самую большую. В социологии Лумана есть понятие «всемирное общество» — это такое огромное «и так далее», *горизонт* всех возможных коммуникаций. У отдельных систем есть границы, но это не территориальные границы, а смысловые, платеж не трансформируется в высказывание об истине, а религиозная коммуникация — в новостную. События принадлежат разным системам. Только политические системы и, отчасти, образовательные привязаны к территориальным границам. Казалось бы, в этой понятийной схеме нет места нашей проблематике. Однако это не так.

Поучительно будет рассмотреть некоторые аргументы поздней версии теории социальных систем Лумана, в которой уделено внимание и проблеме больших империй (Großreiche). Луман обращается к ней как раз потому, что практически все его аргументы строились прежде вокруг отрицания территориальности социального. Это было понятно, поскольку он отрицал применимость понятий старой европейской политической философии к современному обществу. Старые понятия были привязаны к системе политики как основной системе общества, то есть общество — это и было политическое, полисное, на новом языке — государственное. У всего этого есть территория и есть внятные правила членства, так что человек находится именно как человек и гражданин полиса (а это во многом одно и то же) внутри пределов достижимости политической власти. Место тела и место политического связаны. Но когда главной системой становится экономика, понятие общества меняется, обществом на-

чинают называть гражданское общество в том смысле, в каком это понятие используют шотландские моралисты и Гегель. Такое общество уже не привязано к территории, но понимание того, насколько изменилась вся схема дифференциации систем, приходит не сразу. Только в современном всемирном обществе (Weltgesellschaft) системы становятся полностью равноправными, ни одна не имеет приоритета, ни одна не может быть названа обществом по преимуществу. Поэтому старые территориальные понятия почти полностью перестают работать. Однако в поздних версиях своей концепции Луман был вынужден пересмотреть и свое отношение к пространству вообще, и значение территориальной дифференциации. В «Обществе общества» он пишет:

Формально схема «центр/периферия» знает очень разные применения. Можно брать за отправную точку города как центры. Тогда дело почти неизбежно пойдет о необходимости признавать множество таких центров с соответствующими (сельскими) перифериями. Другой случай — это образование больших империй, которые имеют возможность самих себя понимать как центр мира, а все остальное трактовать как периферию [Luhmann 1998: 669].

Однако это — лишь описательная констатация исторически существовавших обстоятельств, как и довольно распространенная особенность империй — большой бюрократический аппарат. Главное же состоит в том, что большие территории империй позволяют предположить отсутствие в них «концентрированных коммуникаций». Жители их вряд ли сознавали в большинстве своем, что живут именно в империи, а господствующие элиты не были заинтересованы ни в распространении имперских идеологий, ни вообще в том, что же происходит в головах подданных.

Чтобы рассмотреть понятие империи более строго, исторически их следует понимать как что-то вроде побочного продукта расширения возможностей коммуникации. Форма империи поэтому ... [означает] отсутствие определенных границ. На месте их мы находим горизонты, которые определяют достижимое и варьируют вместе с ним. Итак, империя — это смысловой горизонт коммуникаций, а именно, коммуникаций бюрократических элит, которые исходят из уникальности своей империи и принимают пространственные границы как временное ограничение своего фактического влияния [Ibid.: 670f].

Несмотря на то, что Луман на первый взгляд соглашается считать границы империи смысловыми горизонтами, он не видит в больших империях какой-то особой формы, по сравнению с той, которая предполагается обычным различением центра и периферии. Получается так, что все описания смысловых горизонтов всемирного общества, которые он так настойчиво предлагал, исходили из того, что эволюция, скорее всего, необратима: благодаря современным средствам связи возникла всемирная коммуникация, которая не привязана к территории, а это значит, что главная проблема состоит в чрезмерной замкнутости отдельных социальных систем. У каждой из них свой код, свой способ обработки информации, и поэтому они не то чтобы не видят друг друга, но сразу переводят события в одной системе на язык другой. Юрист смотрит на все с точки зрения права, политик — с точки зрения выигрыша или проигрыша в борьбе за власть, спортсмен — с точки зрения успеха в состязании, ученый — с точки зрения истины. И это не имена людей, которых можно было бы перевоспитать, это обобщенные характеристики устройства отдельных систем.

Однако, занимаясь в конце жизни регионалистикой, он уже не мог так решительно, как прежде, отвергать значение пространства. Большие империи составляли проблему того же рода, хотя и другого уровня. И связано это было с тем, что приходилось не просто учитывать значение территорий, в том числе и очень больших и неопределенно расширяющихся, в том числе под влиянием имперской идеологии непрерывной экспансии «до горизонта», но и своеобразное функционирование систем, не до конца отделившихся друг от друга, не полностью дифференцировавшихся. Продолжая рассуждение, начатое выше, можно было бы сказать, что платеж здесь отсылает не ко всем возможным платежам, а к экономическому космосу (формула Макса Вебера) народного хозяйства, искусство может быть связано с политическими запросами, а новости и спорт имеют далеко не автономную динамику. Можно было бы сказать, что здесь просматривается достаточно знакомая картина государства, противящегося модерну и стремящегося предстать для своих граждан как цельный и цельный мир политики, экономики и идеологии. И чем оно больше, чем универсальнее стремится быть, тем больше оказывается не империей вообще, а империей знакомого нам рода и периода. Именно такой империи — Советскому Союзу в период его наивысшего расцвета — Луман противопоставил в середине 60-х годов концепцию всемирного общества. Поэтому крушение СССР, как он считал, показывало: теоретически большие империи возможны, практически они проигрывают соревнование. Почему это происходит? Большие империи точно так же, как и любые политические образования такого типа, сталкиваются с проблемой комбинации диффузии и контроля, а когда им приходится соревноваться с такой новой формой дифференциации, как всемирное общество, они проигрывают ему¹⁵. Именно так проиграл — и распался — Советский Союз.

Луман, однако, по обстоятельствам уже своего времени, не мог предполагать возникновения обратного движения, хотя его собственный категориальный аппарат позволял это сделать. Если согласиться с тем, что забота о границах и понимание их как временных — это дело в первую очередь центральной имперской элиты, то и преходящий фактический характер границы надо понимать более точно. Не только границы влияния на данный момент в период экспансии, но и границы в периоды сжатия и распада должны восприниматься носителями имперской идеологии как временные, преходящие, а сжатие империи может быть таким же стимулом для реванша, как и для резиньции. В этой части резоны Лумана не вполне удовлетворительны. Но еще менее с ним можно согласиться в том, что центральные элиты вообще не заботит происходящее в головах подданных. Напротив, усилия могут быть направлены — в случае необходимости — на то, чтобы превратить если не всех, то хотя бы часть подданных в подобие воображаемого сообщества (если пользоваться термином Бенедикта Андерсона), являющегося сердцевинной гражданской общины, которая будет определена не в границах, а в горизонтах, то есть как носитель не темпоральной, но именно пространственной идеи «и так далее». Горизонт из когнитивного становится моральным, то есть из средства познания оборачивается политическим императивом. Фактическая граница приходит

15 Именно поэтому Вольфганг Штреек, кажется, один из немногих современных социологов именно в небольших размерах государств, в отличие от больших стран, от империй, усматривает важное, ключевое условие для демократии. См.: [Streeck: 2024].

в движение. Огромная империя, в качестве образца которой была выбрана Священная Римская империя германской нации, рассматривается изнутри руководящими силами, элитой как — потенциально — весь мир. Фактически это не так. Фактически в каждый данный момент им не удавалось быть всемирными, они расширялись и сокращались. Но идея универсальности, всемирности входила в их устройство, точнее, в понимание смысла действий руководящих элит. Поэтому у них не было границ в том же смысле, в каком они есть у государства, у них тоже есть горизонты, то есть не поддающиеся более точному определению пределы того, куда вообще может простираться стремление взять под контроль, планировать продвижение, установить свой закон и веру и т.д. Итак, «горизонты» могут пониматься совсем по-разному: как горизонты смысла событий во всемирном обществе и как горизонты пространственного расширения имперской мощи.

Это позволяет понять и ограниченность любых концепций имперской границы (даже если в них появляется понятие горизонта), если фактическая величина империи берется слишком конкретно, как то, что любой наблюдатель идентифицирует как большое. На самом деле, речь идет о горизонте большого пространства, которое считается большим по меркам эпохи, то есть не только в зависимости от технических средств, обеспечивающих доступность коммуникации, но и от того самого понимания космической уникальности, которому Луман, кажется, уделил все-таки слишком мало внимания. Граница-горизонт, конечно, это смысл границы, но именно как смысл его необходимо искать в самой коммуникации, а не во внешнем мире. Поэтому необходима смена перспективы — от внешнего наблюдателя, *знающего*, что за фактической границей империи начинается вовсе не пустое пространство, не ничейная земля, а чьи-то владения, — к внутреннему наблюдателю, для которого в некотором роде безразлично, предстоит ли ему сместить фактически границы контроля дальше в пустое или кем-то уже занятое место. Во всех случаях мир ждет его продвижения.

Библиография / References

- [Арнасон 2021] — Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы / Пер. с англ. А. Степанова, М. Масловского, Д. Карасева, Ю. Прозоровой. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- (Arnason J.P. Civilizational Patterns and Historical Processes. Moscow, 2021. — In Russ.)
- [Ауст, Вульпиус, Миллер 2010] — Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А. Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700—1917) / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиуса, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- (Aust M., Vulpinus R., Miller A. Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700—1917) / Ed. by M. Aust, R. Vulpinus, A. Miller. Moscow, 2010. — In Russ.)
- [Гуссерль 2017] — Гуссерль Э. Опыт и суждение. Горизонтная структура опыта. предварительная типическая известность каждого отдельного предмета опыта / Пер. с нем. А. Фролова // HORIZON. Феноменологические исследования. 2017. Т. 6. № 1. С. 192—200.
- (Husserl E. Erfahrung und Urteil. § 8 // HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya. 2017. Vol. 6. No. 1. P. 192—200. — In Russ.)
- [Джессон 2019] — Джессон Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / Пер. с англ. С. Моисеева. М.: Дело, 2019.

- (*Jessop B.* The State: Past, Present, Future. Moscow, 2019. — In Russ.)
- [Карпов 2024] — *Карпов С.П.* От латинской Романи к империи Газарии. СПб.: Алетейа, 2024.
- (*Karpov S.P.* Ot latinskoy Romanii k imperii Gazarii. Saint Petersburg, 2024.)
- [Каспэ 2001] — *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001.
- (*Kaspe S.I.* Imperiya i modernizatsiya: obshchaya model' i rossiyskaya spetsifika. Moscow, 2001.)
- [Козеллек 2016] — *Козеллек Р.* «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории / Пер. с нем. А. Котова, О. Кильдюшова // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149—173.
- (*Koselleck R.* «Erfahrungsraum» und «Erwartungshorizont» zwei historische kategorien // *Sotsiologiya vlasti*. 2016. Vol. 28. No. 2. P. 149—173. — In Russ.)
- [Ливен 2006] — *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М.: Европа, 2006.
- (*Lieven D.* Empire: The Russian Empire and its Rivals. Moscow, 2006. — In Russ.)
- [Миллер 2024] — *Миллер А.И.* Проблемы российского федерализма и «реабилитация» империи // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 6. С. 74—86.
- (*Miller A.I.* Problemy rossiyskogo federalizma i «reabilitatsiya» imperii // *Rossiya v global'noy politike*. 2024. Vol. 22. No. 6. P. 74—86.)
- [Мюнклер 2015] — *Мюнклер Х.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Пер. с нем. Л.В. Ланника. М.: Кучково поле, 2015.
- (*Münkler H.* Emplmerien: Die Logik der Weltherrschaft — vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten. Moscow, 2015 — In Russ.)
- [Герасимов и др. 2004] — *Герасимов И.В., Глебов С.В., Каплуновский Л.П., Могильнер М.Б., Семёнов А.М.* Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004.
- (*Gerasimov I.V., Glebov S.V., Kaplunovskiy L.P., Mogilner M.B., Semyonov A.M.* Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sbornik statey. Kazan, 2004.)
- [Троцук 2024] — *Троцук И.* «Социетальное сообщество» Т. Парсонса в теоретико-эмпирической трактовке Дж. Скиортино // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2. С. 204—230.
- (*Trochuk I.* «Sotsietal'noe soobshchestvo» T. Parsonsa v teoretiko-empiricheskoy traktovke Dzh. Skiortino // *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2024. Vol. 23. No. 2. P. 204—230.)
- [Филиппов 2008] — *Филиппов А.Ф.* Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- (*Filippov A.F.* Sotsiologiya prostranstva. Saint Petersburg, 2008.)
- [Филиппов 2014] — *Филиппов А.Ф.* Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы: В 2 т. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2014.
- (*Filippov A.F.* Sociologia: nablyudeniya, opyty, perspektivy: In 2 vols. Vol. 1. Saint Petersburg, 2014.)
- [Хардт, Негри 2004] — *Хардт М., Негри А.* Империя / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Практикс, 2004.
- (*Hardt M., Negri A.* Empire. Moscow, 2004. — In Russ.)
- [Ходарковский 2019] — *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500—1800 / Пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- (*Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500—1800. Moscow, 2019. — In Russ.)
- [Шмитт 2008] — *Шмитт К.* Номос земли в праве народов ius publicum Europaeum / Пер. с нем. К. Лоцевского, Ю. Коринца. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- (*Schmitt C.* Der Nomos der Erde im Völkerrecht des ius publicum Europaeum. Saint Petersburg, 2008. — In Russ.)
- [Филиппов, Хайоз, Херлх 2020] — *Филиппов А., Хайоз Н., Херлх Ж.* (eds.) / Centers and Peripheries in the Post-Soviet Space: Relevance and Meanings of a Classical Distinction. Bern: Peter Lang, 2020.
- [Коллинсон 1987] — *Коллинсон П.* The Monarchical Republic of Queen Elizabeth I // Bulletin of the John Rylands Library. 1987. Vol. 69 (2). P. 394—424.
- [Айзенштадт 1963] — *Айзенштадт С.Н.* The Political Systems of Empires: The Rise and Fall of the Historical Bureaucratic Societies. New York: The Free Press, 1963.
- [Ходарковский 2004] — *Ходарковский М.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500—1800. Bloomington, ID: The Indiana University Press, 2004.
- [Ле Брас, Тодд 2012] — *Ле Брас Х., Тодд Е.* L'invention de la France: Atlas anthropologique et politique. Paris: Gallimard, 2012.
- [Лухманн 1981] — *Лухманн Н.* Soziologische Aufklärung 3: Soziales System, Gesellschaft, Organisation. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1981.
- [Лухманн 1998] — *Лухманн Н.* Die Gesellschaft der Gesellschaft. Bd. 2. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1998.

- [McDiarmid 2007] — *McDiarmid J.F.* (Ed.) *The Monarchical Republic of Early Modern England: Essays in Response to Patrick Collinson*. Aldershot: Ashgate, 2007.
- [Pedani 2017] — *Pedani M.P.* *The Ottoman-Venetian Border (15th—18th Centuries)*. Venice: Edizioni Ca' Foscari—Digital Publishing, 2017.
- [Rieber 2014] — *Rieber A.J.* *The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2014.
- [Streeck 2024] — *Streeck W.* *Taking back control? States and State Systems after Globalism*. London, UK; New York: Verso, 2024.